

Справедливость наказания – самоочевидность или абсурд?

(Нормативные основания ретрибутивизма в истории европейской этики)

Доклад в ЦАСФиН 19.12.2017

Под ретрибутивизмом я понимаю концепцию, которая, опираясь на «идею санкции» (Гюйо), т.е. на представление, что «добродетель заслуживает счастья, а порок несчастья», считает морально правильной или, как минимум, морально допустимой такую антигуманную активность, как причинение ретрибутивного страдания (или физического зла) за моральное зло. (Под антигуманностью активности я понимаю просто присущую ей *фактическую* тенденцию приводить к чьему-либо страданию или физическому злу, не вкладывая в это понятие каких-либо заведомых *оценочных* коннотаций). Зачастую это представление о том, что моральное зло справедливо наказывать физическим злом, рассматривается как самоочевидность, но, с другой стороны, существует определенная традиция рациональной критики ретрибутивизма, согласно которой моральное и физическое зло содержательно абсолютно гетерогенны и, стало быть, принципиально несоизмеримы (что делает невозможным установление между ними какой-либо осмысленной ретрибутивной корреляции). Я хотел бы показать, что эта критика имеет разные шансы на успех в зависимости от тех нормативных стандартов, исходя из которых мы определяем, является ли некоторая активность морально дурной. Я буду исходить из деления всех исторически данных нормативных стандартов на *гуманистические* (или субъективистские) и *негуманистические* (или объективистские). Применительно к теме данного доклада гуманистические нормативные стандарты – это те, с точки зрения которых любая активность может быть морально дурной *исключительно* на основании своей антигуманности. Соответственно, к негуманистическим нормативным стандартам можно отнести любые нормативные факторы, содержательно несводимые к антигуманности. В негуманистическом этическом дискурсе некоторая активность может объявляться морально дурной просто потому, что она *ex hypothesi* противоречит воле Бога, объективному совершенству природы, интуитивно усматриваемому объективному моральному долгу и т.п. Я буду называть такие нормативные стандарты гуманистически нейтральными (в том смысле, что приписываемое активности несоответствие им само по себе не является источником физического зла). Мой общий тезис состоит в том, что, если принять гуманистические нормативные стандарты, моральное и физическое зло не являются абсолютно разнородными понятиями, так как моральное зло всегда *определяется* через антигуманность или тенденцию к причинению физического зла, однако в случае с негуманистическими нормативными стандартами вышеупомянутая критика ретрибутивизма совершенно справедлива. Вместе с тем гуманистическая нормативная логика предполагает необходимость минимизировать антигуманность наказания, тогда как негуманистическая нормативная логика открывает возможность для морального одобрения предельно интенсивной (и даже бесконечной, если иметь в виду ад) ретрибутивной антигуманности.

<p>1 «Человечество почти всегда считало неразделимыми моральный закон и его санкцию: с точки зрения большинства моралистов, порок рациональным образом требует в качестве своего следствия страдания, а добродетель дает своего рода право на счастье. Таким образом идея санкции до сих пор казалась одним из исходных и существенных понятий всякой морали»</p>	<p>Guyau 1913, 179 : L'humanité a presque toujours considéré la loi morale et sa sanction comme inséparables: aux yeux de la plupart des moralistes, le vice appelle rationnellement à sa suite la souffrance, la vertu constitue une sorte de droit au bonheur. Aussi l'idée de sanction a-t-elle paru jusqu'ici une des notions primitives et essentielles de toute morale</p>
<p>2 «...тот закон, который зовется высшим Разумом, которому всегда следует повиноваться, по которому дурные заслуживают несчастную, а хорошие – блаженную жизнь... может ли хоть какому-то мыслящему [человеку] не казаться неизменным и вечным? Разве может когда-либо быть несправедливым, чтобы дурные были несчастны, а добрые счастливы?»</p>	<p>Августин LA 1, 6, 15: illa lex quae summa ratio nominatur cui semper obtemperandum est et per quam mali miseram, boni beatam uitam merentur... potestne cuipiam intellegenti non incommutabilis aeternaue uideri? An potest aliquando iniustum esse, ut mali miseri, boni autem beati sint?</p>

<p>3 «[a] ...преступление дает право причинить наказание лишь в ограниченном количестве... Как можно определить это количество? Как моральная вина может найти выражение в физической боли? [b] Для любого, кто считает, что наказание оправдывается его последствиями, правильным или справедливым является количество наказания, лучше всего служащее той цели, ради которой наказание существует, т.е. устрашению и исправлению. Но каким образом, если не принимать во внимание его цель, можно установить количество наказания, полагающегося за каждое преступление? [c] Я не обнаруживаю в собственном сознании никаких интуиций на этот счет и полагаю, что, если бы нам всем пришлось сесть и составить списки преступлений с числом ударов плетью или месяцев тюремного заключения, которых они сущностно заслуживают, мы нашли бы эту задачу чрезвычайно трудной и пришли бы к весьма разноречивым результатам... [d] Но я хочу подчеркнуть не столько практическую, сколько теоретическую неосуществимость</p>	<p>Rashdall 1907, I, 289: ...wrong-doing confers a right to inflict a merely limited amount of punishment... How can this amount be fixed? How can moral guilt be expressed in terms of physical pain? To any one who believes that punishment is justified by its effects, the right or just amount of punishment is that which will best serve the ends for which punishment exists – i.e. deterrence and reformation. But how, apart from its end, can the amount of punishment due to each offence be fixed? I find in my own mind no intuitions on the subject, and believe that if we were all to sit down and attempt to write out lists of crimes, with the number of lashes of the cat or months of imprisonment which they intrinsically merit, we should find the task an extremely difficult one, and should arrive at very discordant results...</p> <p>But it is not so much the practical as the theoretical impossibility of the task that I wish to emphasize. The idea of expressing moral</p>
--	--

<p>этой задачи. Представление о выражении моральной вины в переводе на плети или розги, повешение или стояние у позорного столба, исправительные или каторжные работы, по-видимому, бессмысленно по своей внутренней сути. Не существует абсолютно никакой соизмеримости между этими двумя вещами».</p>	<p>guilt in the terms of cat or birch-rod, gallows or pillory, hard labour or penal servitude, seems to be essentially and intrinsically unmeaning. There is absolutely no commensurability between the two things.</p>
<p>4 «Верно ли, что существует естественная или рациональная связь между нравственным характером воли и вознаграждением или страданием, которому подвергается чувственность? Другими словами, есть ли у внутренней заслуги право увязываться с наслаждением, а у [внутреннего] прегрешения – с болью?»</p>	<p>Guyau 1913, 181: Est-il vrai qu'il existe un lien naturel ou rationnel entre la moralité du vouloir et une récompense ou une peine appliquée à la sensibilité? En d'autres termes, le mérite intrinsèque a-t-il droit de se voir associé à une jouissance, le démérite à une douleur?</p>
<p>5 «Поищем безо всяких предрассудков и предвзятых идей, какое моральное основание существует для того, чтобы морально дурное существо подверглось чувственно воспринимаемому страданию, а [морально] хорошее существо – дополнительной доле наслаждений; мы увидим, что никакого основания нет и что вместо того, чтобы оказаться в присутствии априорно “очевидного” положения, мы находимся перед лицом грубо эмпирического и физического вывода, извлеченного из принципов талиона или хорошо понятного интереса... В классической теории заслуги [суждение] “Я провинился”, выражавшее сперва просто внутреннюю ценность воления, приобретает следующий смысл: “Я заслужил наказание” и с этого момента выражает уже отношение внутреннего к внешнему. Этот резкий переход от морального к чувственному, от глубин нашего существа к его поверхности, как нам кажется, невозможно оправдать»</p>	<p>Ibid., 187-188: Cherchons, en dehors de tout préjugé, de toute idée préconçue, quelle raison morale il y aurait pour qu'un être moralement mauvais reçût une souffrance sensible, et un être bon un surplus de jouissances; nous verrons qu'il n'y a pas de raison, et que, au lieu de nous trouver en présence d'une proposition «évidente» à priori, nous sommes devant une induction grossièrement empirique et physique, tirée des principes du talion ou de l'intérêt bien entendu... Dans la théorie classique du mérite: «J'ai démerité», qui exprimait d'abord simplement la valeur intrinsèque du vouloir, prend le sens suivant: «J'ai mérité un châtiment», et exprime désormais un rapport du dedans au dehors. Ce passage brusque du moral au sensible, des parties profondes de notre être aux parties superficielles, nous paraît injustifiable</p>
<p>б «...наказание прежде всего включает в себя страдание, которое относится к сфере чувств и, следовательно, к телесной сфере; физическое зло, причиняемое этим первым элементом наказания, прибавляется к моральному злу... смысл наказания... коренится в предполагаемой равноценности, с одной стороны, зла причиненного, испытываемого, а с другой стороны зла совершенного... Эта равноценность образует рациональный момент наказания... для разумения это</p>	

<p>рациональное наказания не тождественно самому себе... прежде всего, что общего между страданием от наказания и совершением проступка? Каким образом физическое зло может уравновесить зло моральное, компенсировать и устранить его? Преступление и наказание занимают два различных места - там, где испытывают страдание, и там, где совершают деятельность; их надо было бы мыслить вместе, принадлежащими одной и той же воле, виновной воле» (Рикер, Конфликт интерпретаций, Стр. 435-436)</p>	
--	--

<p>7 «Даже если бы гражданское общество распустило себя по общему согласию всех его членов (например, если бы какой-нибудь населяющий остров народ решил бы разойтись по всему свету), все равно последний находящийся в тюрьме убийца должен был бы быть до этого казнен, чтобы каждый получил то, чего заслуживают его действия, и чтобы вина за кровавое злодеяние не пристала к народу, который не настоял на таком наказании; ведь на него в этом случае можно было бы смотреть как на соучастника этого публичного нарушения справедливости».</p>	<p>Kant VIII, 455 [6, 333]: Selbst, wenn sich die bürgerliche Gesellschaft mit aller Glieder Einstimmung auflösete (z.B. das eine Insel bewohnende Volk beschlösse, auseinander zu gehen, und sich in alle Welt zu zerstreuen), müßte der letzte im Gefängnis befindliche Mörder vorher hingerichtet werden, damit jedermann das widerfahre, was seine Taten wert sind, und die Blutschuld nicht auf dem Volke hafte, das auf diese Bestrafung nicht gedrungen hat; weil es als Teilnehmer an dieser öffentlichen Verletzung der Gerechtigkeit betrachtet werden kann).</p>
<p>8 «наказание по суду (poena forensis)... никогда не может быть просто средством содействия какому-то другому благу для самого преступника или для гражданского общества, но всякий раз должно налагаться на него только потому, что он совершил преступление...»</p>	<p>Kant VIII, 453: Richterliche Strafe (poena forensis)... kann niemals bloß als Mittel, ein anderes Gute zu befördern, für den Verbrecher selbst, oder für die bürgerliche Gesellschaft, sondern muß jederzeit nur darum wider ihn verhängt werden, weil er verbrochen hat</p>
<p>9 «Счастье наихудшего представителя нашего вида составляет такую же часть счастья всего вида, как и счастье наилучшего человека. В каждом случае, когда зло, причиняемое преступнику, не дает оснований надеяться на большее благо для самого преступника или других, закон благожелательности велит нам не только не причинять ему зла, но делать ему столько добра, сколько совместимо с предписаниями благодетельности и альтруистического благоразумия в других отношениях»</p>	<p>Bentham 1983, 278: The happiness of the worst man of the species forms as large a part of the happiness of the whole species as that of the best man. On every occasion in which evil done to a delinquent does not afford an adequate promise of greater good, to the delinquent himself or others, so far from doing evil to him, the law of benevolence enjoins us to do as much good to him as is consistent in other respects with the dictates of beneficence and extra-regarding prudence.</p>
<p>10 «общие правила негативной благожелательности и благодетельности»</p> <p>«1. Никогда не причиняй зла ни одному</p>	<p>General rules of negative benevolence and beneficence</p> <p>Bentham 1983, 262: '1. Never do evil, in any</p>

<p>индивиду в какой бы то ни было форме и количестве, если только не в целях некоторого определенного и конкретного большего блага: блага для себя, для другой стороны, о которой идет речь, или для третьих лиц – третьих лиц, которые либо могут быть установлены, либо нет. Одним словом: “Никогда не делай зла, если не для большего блага”. 2. Никогда не причиняй зла только на том основании, что оно заслужено. Одним словом: “Никогда не делай зла просто за проступок”»</p>	<p>shape or quantity, to any individual, but for the purpose of some determinate and specific greater good: good to yourself, to the other party in question, or to third persons--io thiro persons assignable or unassignable. In one verse: "Evil do never, but for greater good." '2. Never do evil, on no other ground than that of its being deserved. In one verse: "Evil do never, for mere ill-desert"</p>
---	--

11 известный эпизод из «Братьев Карамазовых», в котором Иван рассказывает Алеше о том, как некий генерал затравил собаками крепостного мальчика:

«...дворовый мальчик, маленький мальчик, всего восьми лет, пустил как-то играя камнем и зашиб ногу любимой генеральской гончей. "Почему собака моя любимая охромела?" Докладывают ему, что вот дескать этот самый мальчик камнем в нее пустил и ногу ей зашиб. "А, это ты, - оглядел его генерал, - взять его!" Взяли его, взяли у матери, всю ночь просидел в кутузке, на утро чем свет выезжает генерал во всем параде на охоту, сел на коня, кругом его приживальщики, собаки, псарь, ловчие, все на конях. Вокруг собрана дворня для назидания, а впереди всех мать виновного мальчика. Выводят мальчика из кутузки. Мрачный, холодный, туманный осенний день, знатный для охоты. Мальчика генерал велит раздеть, ребеночка раздевают всего донага, он дрожит, обезумел от страха, не смеет пикнуть... "Гони его!" командует генерал, "беги, беги!" кричат ему псарь, мальчик бежит... "Ату его!" вопит генерал и бросает на него всю стаю борзых собак. Затравил в глазах матери, и псы растерзали ребенка в клочки!.. Генерала, кажется, в опеку взяли. Ну... что же его? Расстрелять? Для удовлетворения нравственного чувства расстрелять? Говори, Алешка! - Расстрелять! - тихо проговорил Алеша, с бледною, перекосившеюся какою-то улыбкой подняв взор на брата»

<p>12 «Мне кажется абсурдом, что законы, являющиеся выражением общественной воли, презирающие и наказывающие человекоубийство, сами же его совершают и, чтобы отвратить граждан от убийства, предписывают публичное убийство».</p>	<p>Beccaria 1987, 57: Parmi un assurdo che le leggi, che sono l'espressione della pubblica volontà, che detestano e puniscono l'omicidio, ne commettano uno esse medesime, e per allontanare i cittadini dall'assassinio, ne ordinino un pubblico [ordinino un pubblico assassinio].</p>
<p>13 «Убийство, которое нам преподносят как ужасное злодеяние, мы видим, однако, осуществляемым без отвращения и гнева»</p>	<p>Ср. Beccaria 1987, 58: L'assassinio, che ci vien predicato come un terribile misfatto, lo veggiamo pure senza ripugnanza e senza furore adoperato.</p>
<p>14 «Если бы не соображения общественной безопасности (которыми мы займемся позже), наказание было бы столь же достойно порицания, как и преступление, и тюрьма стоила бы не больше тех, кто там обитает. Скажем больше: законодатели и судьи, умышленно карая виновных, становились бы равными им. Если оставить</p>	<p>Guyau 1913, 188-189: Sans les raisons de défense sociale (dont nous nous occuperons plus tard), le châtement serait aussi blâmable que le crime, et la prison ne vaudrait pas mieux que ceux qui y habitent; disons plus: les législateurs et les juges, en frappant les coupables de propos délibéré, se feraient leurs égaux. Si l'on fait abstraction de l'utilité</p>

<p>в стороне общественную пользу, найдется ли разница между убийством, совершенным убийцей, и убийством, совершенным палачом? У этого последнего преступления нет даже такого смягчающего обстоятельства, как какие-нибудь соображения личного интереса или мести; абсурдность законного убийства становится гораздо более полной, чем у незаконного убийства. Палач подражает убийце, как другие убийцы будут подражать ему самому, в свою очередь подпадая под своего рода гипнотическое воздействие убийства, на практике превращающее эшафот в школу преступлений»</p>	<p>sociale, quelle différence y aura-t-il entre le meurtre commis par l'assassin et le meurtre commis par le bourreau? Le dernier crime n'a même pas pour circonstance atténuante quelque raison d'intérêt personnel ou de vengeance; le meurtre légal devient plus complètement absurde que le meurtre illégal. Le bourreau imite l'assassin, comme d'autres assassins l'imiteront lui-même, subissant à leur tour cette sorte de fascination qu'exerce le meurtre et qui fait pratiquement de l'échafaud une école de crime</p>
<p>15 «Проблема наказания в конце концов возникла прежде всего потому, что наказание подразумевает намеренное причинение вреда людям, и потому, что намеренно вредить людям в целом морально непозволительно. Большинство людей верят, что намеренное причинение вреда, хотя в целом и неправильно, оправдано в случае с людьми, которые нарушили закон. Проблема наказания сводится к тому, как найти принципиальное обоснование для этого убеждения»</p>	<p>Boonin 2008, 119: The problem of punishment, after all, arose in the first place because punishment involves intentionally harming people and because intentionally harming people is, in general, morally impermissible. Most people believe that the intentional infliction of harm, though wrong in general, is justified in the case of people who have broken the law. The problem of punishment is the problem of finding a principled justification for this belief</p>
<p>16 «Проблема наказания возникает в силу того факта, что, когда государство наказывает людей за нарушение закона, оно подвергает их различному обращению, которое намеренно причиняет им вред. Обычно совершать действие с намерением навредить другому лицу непозволительно»</p>	<p>Boonin 2008, 213: The problem of punishment arises from the fact that when the state punishes people for breaking the law, it subjects them to various treatments that are intentionally harmful. Typically, it is impermissible to do an act with the intention of harming another person.</p>
<p>17 «Что, по-видимому, беспокоит большинство тех, кого вообще беспокоит наказание, это то, как оно согласуется с моралью. Моральные правила в целом запрещают убивать, увечить, удерживать других против их воли, забирать собственность других без их согласия и причинять боль. Но наказание (за исключением условного осуждения) почти целиком состоит из подобных действий»</p>	<p>Davis 2009, 79: What seems to worry most of those whom punishment worries at all is how punishment coheres with morality. Moral rules generally forbid killing, maiming, holding others against their will, taking the property of others without their consent, and causing pain; yet, punishment (apart from suspended sentences) consists almost entirely of such acts.</p>
<p>18 «В основе ретрибутивизма лежит утверждение, что наложение наказания на преступника оправдывается несправедливостью преступного деяния. Но наказание само состоит в совершении аналогичного действия против преступника. Таким образом демонстрация</p>	<p>Golash 1994, 72: At the heart of retributivism is the contention that it is the wrongness of the criminal act that justifies the imposition of punishment on the offender. Yet punishment itself consists in the performance of a parallel act against the offender. Thus showing that the harmful acts that are crimes have a moral value</p>

<p>того, что <i>наносящие вред действия</i>, которые представляют собой преступления, имеют прямо противоположную моральную ценность тем <i>наносящим вред действиям</i>, которые представляют собой наказания, есть центральная задача ретрибутивистской теории. Недостаточно показать, что некоторые преступления включают в себя действия, неприемлемые в любом контексте, например – <i>изнасилования и пытки</i>. Наказание по необходимости предполагает действия, которые обычно неприемлемы, а именно – действия, которые в другом контексте сами были бы такими» (Курсив всюду мой – А.С.)</p>	<p>precisely opposite to that of the harmful acts that are punishments is the central task of retributive theory. It is not enough to show that some crimes involve acts unacceptable in any context, such as rape and torture. Punishment necessarily involves acts that are ordinarily unacceptable -- specifically, acts that in another context would themselves be.</p>
<p>19 «[a] ...назначение наказания в соответствии с правовыми установлениями означает причинение боли и предназначено именно для этого. Эта деятельность часто не согласуется с такими признанными ценностями, как доброта и способность прощать. Для устранения этого несоответствия иногда делаются попытки скрыть основное содержание наказания. В тех случаях когда это не удастся, приводятся разного рода аргументы в пользу намеренного причинения боли... Ни одна из попыток обосновать намеренное причинение боли, по-видимому, не является вполне удовлетворительной... [b] Моя собственная точка зрения состоит в том, что пришло время положить конец этим колебаниям, показав их бесполезность и выбрав моральную позицию в пользу создания жестких ограничений использованию намеренного причинения боли в качестве средства социального контроля. На основе опыта социальных систем, в минимальной степени прибегающих к использованию боли, обнаруживаются некоторые общие условия, при которых ее намеренное причинение имеет ограниченный характер. [c] Если боль должна причиняться, то не в целях манипуляции, а в таких социальных формах, к которым обращаются люди, когда они переживают глубокую скорбь. Это могло бы создать положение, при котором наказание за преступление исчезнет. Когда это произойдет, основные черты государства также исчезнут. Будучи только идеалом, такое положение стоит того,</p>	<p>Christie 1981, 1-2: ...imposing punishment within the institution of law means the inflicting of pain, intended as pain. This is an activity which often comes in dissonance to esteemed values such as kindness and forgiveness. To reconcile these incompatibilities, attempts are sometimes made to hide the basic character of punishment. In cases where hiding is not possible, all sorts of reasons for intentional infliction of pain are given... None of the attempts to cope with the intended pain seems, however, to be quite satisfactory... My own view is that the time is now ripe to bring these oscillatory moves to an end by describing their futility and by taking a moral stand in favour of creating severe restrictions on the use of man-made pain as a means of social control. On the basis of experience from social systems with a minimal use of pain, some general conditions for a low level of pain infliction are extracted. If pain is to be applied, it has to be pain without a manipulative purpose and in a social form resembling that which is used when people are in deep sorrow. This might lead to a situation where punishment for crime evaporated. Where that happened, basic features of the State would also have evaporated. Formulated as an ideal, this situation might be just as valuable to make explicit and to keep in mind as situations where kindness and humanity reign — ideals never to be reached, but something to stretch towards... Moralism within our areas has for some years been an attitude or even a term associated with protagonists for law and order and severe penal sanctions, while their opponents were seen as</p>

чтобы его осознать и иметь в виду как царство доброты и человечности — цель, которая недостижима, но к которой надо стремиться... [d] В течение ряда лет морализм в данной области представлял собой установку, и само это слово ассоциировалось со сторонниками лозунга “закон и порядок” и суровых уголовно-правовых санкций. При этом предполагалось, что их оппоненты парят в пространстве, свободном от ценностных представлений. Позвольте мне заявить со всей определенностью, что я тоже моралист. Более того: я активный, бескомпромиссный моралист. Одна из основных предпосылок, из которых я исхожу, состоит в том, что борьба за уменьшение на земле боли, причиняемой людьми, — это справедливое дело. [e] Я легко могу предвидеть возражения, которые вызывает такая позиция: боль способствует духовному росту людей, они становятся более зрелыми, как бы дважды рожденными, более глубоко постигают сущность вещей, переживают большую радость, если боль исчезает, и, согласно некоторым религиозным представлениям, становятся ближе к богу или к раю. Некоторые из нас уже имели возможность воспользоваться подобными преимуществами. Но мы на опыте знаем также, что бывает совсем по-другому: боль останавливает или тормозит духовный рост человека, делает его злым. [f] В любом случае я не могу представить себе такого положения, когда бы следовало стремиться к увеличению на земле боли, причиняемой людьми. И я не вижу серьезных оснований для того, чтобы считать нынешний уровень причинения боли вполне справедливым и естественным, поскольку вопрос этот весьма важен и я должен сделать выбор; я не вижу иной позиции, которую можно было бы отстаивать, кроме как борьба за уменьшение боли. Одно из правил, которому нужно было бы следовать, таково: *если есть сомнения, то нельзя причинять боль. Другое правило должно состоять в том, чтобы причинять как можно меньше боли. Ищите альтернативу наказанию, а не альтернативные наказания... социальные системы должны строиться таким*

floating in a sort of value-free vacuum. Let it therefore be completely clear that I am also a moralist. Worse: I am a moral imperialist. One of my basic premises will be that it is right to strive for a reduction of man-inflicted pain on earth. I can very well see objections to this position. Pain makes people grow. They become more mature - twice born - receive deeper insights, experience more joy if pain fades, and according to some belief-systems they come closer to God or Heaven. Some among us might have experienced some of these benefits. But we have also experienced the opposite: Pain which brings growth to a stop, pain which retards, pain which makes people evil. In any case: I cannot imagine a position where I should strive for an increase of man-inflicted pain on earth. Nor can I see any good reason to believe that the recent level of pain-infliction is just the right or natural one. And since the matter is important, and I feel compelled to make a choice, I see no other defensible position than to strive for pain-reduction. One of the rules would then be: If in doubt, do not pain. Another rule would be: Inflict as little pain as possible. Look for alternatives to punishments, not only alternative punishments... social systems ought to be constructed in ways that reduce to a minimum the perceived need for infliction of pain for the purpose of social control. Sorrow is inevitable, but not hell created by man.

<p><i>образом, чтобы свести к минимуму осязаемую потребность в причинении боли с целью социального контроля. [g] Неизбежна скорбь, а не ад, создаваемый людьми». Пер. В.М. Когана.</i></p>	
<p>20 Кант VIII, 367. «Каков, однако, способ и какова степень наказания, которые общественная справедливость делает для себя принципом и мерилом? Единственный принцип – это принцип равенства (в положении стрелки на весах справедливости), согласно которому суд склоняется в пользу одной стороны не более, чем в пользу другой. Итак, <i>то зло, которое ты причиняешь кому-нибудь другому в народе, не заслужившему его, ты причиняешь и самому себе. Оскорбляешь ты другого – значит ты оскорбляешь себя; крадешь у него – значит обкрадываешь самого себя; бьешь его – значит сам себя бьешь; убиваешь его – значит убиваешь самого себя.</i> Лишь право возмездия (ius talionis), если только понимать его как осуществляющееся в рамках правосудия (а не в твоём частном суждении), может точно определить качество и меру наказания; все прочие права неопределенны и не могут из-за вмешательства других соображений заключать в себе соответствие с приговором чистой и строгой справедливости» (Курсив мой – А.С.)</p>	<p>Kant VIII, 453-454: Welche Art aber und welcher Grad der Bestrafung ist es, welche die öffentliche Gerechtigkeit sich zum Prinzip und Richtmaße macht? Kein anderes, als das Prinzip der Gleichheit (im Stande des Züngleins an der Wage der Gerechtigkeit), sich nicht mehr auf die eine, als auf die andere Seite hinzuneigen. Also: was für unverschuldetes Übel du einem anderen im Volk zufügst, das tust du dir selbst an. Beschimpfst du ihn, so beschimpfst du dich selbst; bestiehst du ihn, so bestiehst du dich selbst; schlägst du ihn, so schlägst du dich selbst; tötest du ihn, so tötest du dich selbst. Nur das Wiedervergeltungsrecht (ius talionis), aber, wohl zu verstehen, vor den Schranken des Gerichts (nicht in deinem Privaterteil), kann die Qualität und Quantität der Strafe bestimmt angeben; alle andere sind hin und her schwankend, und können, anderer sich einmischenden Rücksichten wegen, keine Angemessenheit mit dem Spruch der reinen und strengen Gerechtigkeit enthalten.</p>
<p>21 Кант VIII, 368. «Если же он убил, то он должен умереть. Здесь нет никакого суррогата для удовлетворения справедливости. Жизнь, как бы тягостна она ни была, неоднородна со смертью; стало быть, нет и иного равенства между преступлением и возмездием, как равенство, достигаемое смертной казнью преступника, приводимой в исполнение по приговору суда, но свободной от всяких жестокостей, которые могли бы превратить человечество в лице пострадавшего в устрашение»</p>	<p>Kant VIII, 455: Hat er aber gemordet, so muß er sterben. Es gibt hier Kein Surrogat zur Befriedigung der Gerechtigkeit. Es ist keine Gleichartigkeit zwischen einem noch so kummervollen Leben und dem Tode, also auch keine Gleichheit des Verbrechens und der Wiedervergeltung, als durch den am Täter gerichtlich vollzogenen, doch von aller Mißhandlung, welche die Menschheit in der leidenden Person zum Scheusal machen könnte, befreieten Tod.</p>
<p>22 Кант VIII, 369. «Указанное равенство наказания, возможное лишь через смертный приговор, выносимый судьей по строгому праву возмездия, проявляется в том, что лишь посредством него смертный приговор выносится всем <i>соразмерно с внутренней злостью преступника</i> (даже когда это</p>	<p>Kant VIII, 455: Diese Gleichheit der Strafen, die allein durch die Erkenntnis des Richters auf den Tod, nach dem strengen Wiedervergeltungsrechte, möglich ist, offenbart sich daran, daß dadurch allein proportionierlich mit der inneren Bösartigkeit der Verbrecher das Todesurteil</p>

касается не убийства, а какого-нибудь другого государственного преступления, наказуемого лишь смертью» (Курсив мой – А.С.).	über alle (selbst wenn es nicht einen Mord, sondern ein anderes nur mit dem Tode zu tilgendes Staatsverbrechen beträfe) ausgesprochen wird.
23 Кант VIII, 29: «...наклонность к принятию злых максим, т.е. злонравие человеческой природы или человеческого сердца»	Kant VIII, 677: ...der Hang zur Annehmung böser Maximen, d.i. die Bösigkeit der menschlichen Natur, oder des menschlichen Herzens
24 Кант VIII, 30: «...злонравие (vitiositas, pravitas) или, если угодно, испорченность (corruptio) человеческого сердца есть наклонность произволения к максимам предпочитать мотивам из морального закона другие (неморальные) мотивы»	Kant VIII, 677: ...die Bösigkeit (vitiositas, pravitas), oder, wenn man lieber will, die Verderbtheit (corruptio) des menschlichen Herzens, ist der Hang der Willkür zu Maximen, die Triebfeder aus dem moralischen Gesetz ändern (nicht moralischen) nachzusetzen

25 Sancti Isidori Hispalensis Episcopi (n. 560-†636) De Ordine Creaturarum Liber, 14 (De igne purgatorio) «дерево, сено, солома» из 1 Кор. 3, 12	
«11. [a] Отсюда понятно, что под ними [т.е. деревом, сеной, соломой] могут иметься в виду не главные грехи, которые оскверняют (творящих которые Павел исключил из Царствия Божия), но те, что не сильно вредят, хотя и вносят меньший вклад в постройку, [b] то есть без пользы пользоваться законным браком более, чем достаточно, неумеренно насыщаться обилием пищи, радоваться чему попало, доходить до несдержанности в словах из-за гнева, более необходимого наслаждаться своими вещами, приступать к молитве небрежнее, чем того требует распорядок времени (horarum convenientia), или вставать позже, чем подобает, повышать голос, неумеренно смеясь, услаждать тело сном более, чем того требует необходимость, умалчивать о правде, говорить пустое, считать верным то, что на самом деле не так, одобрять то, что считаешь ложным в делах, не касающихся веры, нерадиво забывать о добре, которое следует сделать, иметь неряшливый вид (inordinatum habitum). [c] Что такие и тому подобные грехи могут быть очищены огнем, отрицать не следует, и следует думать, что тот, кто их творит, если он не обременен более тяжкими [грехами], так, как бы из огня спасется. [d] 12... Но об этом очистительном огне следует принять во	11. Unde intelligitur, non principalia crimina, quae maculant (quorum operarios a regno Dei Paulus exclusit), sed illa quae non multum nocent, quamvis minus aedificent, per haec posse designari, hoc est, inutiliter matrimonio legitimo uti plusquam sufficit; ciborum abundantia vesci immoderate; quacunque re laetari; ira usque ad verba intemperata moveri; rebus propriis plusquam necesse est delectari; negligentius orationi quam horarum expetit convenientia insistere; vel tardius quam competit surgere; immoderate risu vocem exaltare; somno plusquam necessitas exigit corpus indulgere; verum reticere; otiosa loqui; quod non ita in re sit, opinari verum; quod falsum putaveris, in rebus quae ad fidem non pertinent, approbare; bonum quod faciendum est negligenter oblivisci; inordinatum habitum habere. Haec, et his similia, peccata per ignem purgari posse, non est denegandum, et eorum factorem, si maioribus non gravetur, sic tamen quasi per ignem salvari putandum est. 12. ...Sed de illo purgatorio igni hoc animadvertendum est, quod omni quem excogitare in praesenti potest homo tormentorum modo et longior et acrior sit.

<p>внимание то, что он и продолжительнее, и мучительнее всякого способа пыток, который может придумать человек в настоящей [жизни]».</p>	
<p>26 «Таким образом ясно, что, хотя он спасется из огня, этот огонь будет более суровым, чем все, что только может испытать человек в этой жизни».</p>	<p>Aug. Enarrationes in Psalmos 38.3 CCL, 38.384: Ita plane quamuis salui per ignem, gravior tamen erit ille ignis, quam quidquid potest homo pati in hac vita.</p>
<p>27 «Я говорю ему: “Господин, еще объясни мне вот что”. “О чем ты спрашиваешь?”, – говорит он. Я отвечаю: “Столько ли времени мучаются предавшиеся наслаждениям и обольщениям, сколько они им предавались?”. “Столько же времени и мучаются”, – ответил он. “Как мало они мучаются, господин! – сказал я, – следовало бы тем, кто так наслаждался и забыл Бога, мучиться в семь раз более”. “Неразумен ты, – сказал он, – и не понимаешь силы мучения”. “Господин, если бы я понимал, то и не просил бы тебя объяснить мне”. “Слушай, – сказал он, – какова сила того и другого, {наслаждения и мучения}. Время наслаждения и развлечения – один час, но час мучения имеет силу тридцати дней. Стало быть, если кто-то предавался наслаждениям и обольщениям один день, а мучился [тоже] один, то день мучения имеет силу целого года. Следовательно, сколько дней кто наслаждается, столько лет мучится. Видишь, – заключил он, – что время наслаждения и обольщения очень кратко, а наказания и мучения велико”».</p>	<p>Пастырь Гермы 64, 1-4 Whittaker: Λέγω αὐτῷ· Κύριε, ἔτι μοι τοῦτο δήλωσον. Τί, φησίν, ἐπιζητεῖς; Εἰ ἄρα, φημί, κύριε, τὸν αὐτὸν χρόνον βασανίζονται οἱ τρυφῶντες καὶ ἀπατῶμενοι ὅσον τρυφῶσι καὶ ἀπατῶνται; λέγει μοι· Τὸν αὐτὸν χρόνον βασανίζονται. <Ἐλάχιστον, φημί, κύριε, βασανίζονται> ἔδει γὰρ τοὺς οὕτως τρυφῶντας καὶ ἐπιλανθανομένους τοῦ θεοῦ ἑπταπλασίως βασανίζεσθαι. λέγει μοι· Ἄφρων εἶ καὶ οὐ νοεῖς τῆς βασάνου τὴν δύναμιν. Εἰ γὰρ ἐνόουν, φημί, κύριε, οὐκ ἂν σε ἐπηρώτων ἵνα μοι δηλώσης. Ἄκουε, φησίν, ἀμφοτέρων τὴν δύναμιν. τῆς τρυφῆς καὶ ἀπάτης ὁ χρόνος ὥρα ἐστὶν μία· τῆς δὲ βασάνου ἡ ὥρα τριάκοντα ἡμερῶν δύναμιν ἔχει. ἐὰν οὖν μίαν ἡμέραν τις τρυφήσῃ καὶ ἀπατηθῇ, μίαν δὲ ἡμέραν βασανισθῇ, ὅλον ἐνιαυτὸν ἰσχύει ἡ ἡμέρα τῆς βασάνου. ὅσας οὖν ἡμέρας τρυφήσῃ τις, τοσοῦτους ἐνιαυτοὺς βασανίζεται. βλέπεις οὖν, φησίν, ὅτι τῆς τρυφῆς καὶ ἀπάτης ὁ χρόνος ἐλάχιστός ἐστιν, τῆς δὲ τιμωρίας καὶ βασάνου πολὺς.</p>
<p>28 «Господин, – сказал я, – какие наслаждения вредны?» “Любое дело, – ответил он, – есть наслаждение для человека, если он выполняет его с удовольствием. Ибо и гневливец, отдаваясь своему делу, наслаждается, и прелюбодей, и пьяница, и клеветник, и лжец, и корыстолюбец, и грабитель, и совершающий все [дела], схожие с этими, отдается своей болезни; стало быть, он наслаждается своим делом. Все эти наслаждения вредны рабам Божиим; стало быть, из-за этих обольщений страдают те,</p>	<p>65, 5-6 Whittaker: Ποῖαι, φημί, κύριε, τρυφαί εἰσι βλαβεραί; Πᾶσα, φησί, πρᾶξις τρυφή ἐστὶ τῷ ἀνθρώπῳ ὃ ἐὰν ἠδέως ποιῇ· καὶ γὰρ ὁ ὀξύχολος τῇ ἑαυτοῦ πράξει τὸ ἱκανὸν ποιῶν τρυφᾷ· καὶ ὁ μοιχὸς καὶ ὁ μέθυσος καὶ ὁ κατάλαλος καὶ ὁ ψεύστης καὶ ὁ πλεονέκτης καὶ ὁ ἀποστερητῆς καὶ ὁ τούτοις τὰ ὅμοια πάντα ποιῶν τῇ ἰδίᾳ νόσῳ τὸ ἱκανὸν ποιεῖ· τρυφᾷ οὖν ἐν τῇ πράξει αὐτοῦ. αὗται πᾶσαι τρυφαί</p>

<p>кто подвергаются наказанию и мучению”».</p>	<p>βλαβεραί εἰσιν τοῖς δούλοις τοῦ θεοῦ· διὰ ταύτας οὖν τὰς ἀπάτας πάσχουσιν οἱ τιμωρούμενοι καὶ βασανιζόμενοι.</p>
<p>29 «Убойся примера богача. Его предала огню роскошная жизнь; потому что <i>не в несправедливости, но в изнеженности обвиненный, поджаривался он в пламени печи.</i> Поэтому, чтобы нам погасить этот огонь, нужна вода. И не для будущего только полезен пост...».</p>	<p>Bas. Caes. PG 31, 177, 6-11 (De jejuniō = hom. 1): Φοβήθητι τὸ ὑπόδειγμα τοῦ πλουσίου. Ἐκεῖνον παρέδωκε τῷ πυρὶ ἢ διὰ βίου τρυφή. Οὐ γὰρ ἀδικίαν, ἀλλὰ τὸ ἀβροδίαiton ἐγκληθεῖς, ἀπετηγανίζετο ἐν τῇ φλογὶ τῆς καμίνου. Ἵνα τοίνυν σβέσωμεν ἐκεῖνο τὸ πῦρ, ὕδατος χρεία. Καὶ οὐ πρὸς τὰ μέλλοντα μόνον ὠφέλιμος ἡ νηστεία...</p>
<p>30 «А когда, разбросанное на бесчисленные [траты], богатство все еще избыточно, его кладут в землю, берегут в тайных местах, потому что будущее неизвестно и, может, нас застигнут врасплох какие-нибудь неожиданные нужды. В самом деле, неизвестно, воспользуешься ли в нужде зарытым золотом, но <i>не неизвестно наказание за бесчеловечность нравов»</i></p>	<p>Hom. in divites, 3, 1-5 Courtonne: Ἐπειδὴν δὲ εἰς μυρία διασπώμενος ὁ πλοῦτος ἔτι περιττεύει, κατὰ γῆς ὠθεῖται, καὶ ἐν ἀπορρήτοις φυλάσσειται. Ἄδηλον γὰρ τὸ μέλλον, μήπου τινὲς ἡμᾶς ἀδόκητοι καταλάβωσι χρεῖαι. Ἄδηλον μὲν οὖν, εἰ ἤξεις πρὸς τὴν χρεῖαν τοῦ κατορωρυγμένου χρυσίου· οὐκ ἄδηλος δὲ ἡ ζημία τῆς ἀπανθρωπίας τῶν τρόπων</p>
<p>31 «Ужели не презришь тленных яств? Ужели не возжелаешь трапезы во царствии, которую, без сомнения, предуготовляет здешний пост? Или не знаешь, что <i>неумеренностью в пресыщении готовишь себе упитанного мучителя – червя?»</i></p>	<p>PG 31, 180, 14-18 (De jejuniō = hom. 1): Οὐ καταφρονήσεις τῶν φθειρομένων βρωμάτων; οὐκ ἐπιθυμίαν λήψῃ τῆς ἐν τῇ βασιλείᾳ τραπέζης, ἣν πάντως ἡ ἐνθάδε νηστεία προευτρεπίσει; Ἄγνοεῖς τῇ ἀμετρίᾳ τοῦ κόρου παχὺν σεαυτῷ τὸν βασανιστὴν κατασκευάζων σκώληκα;</p>
<p>32 «Не страшишься того, что <i>обжорство и тебя не допустит до чаемых благ?»</i></p>	<p>PG 31, 180, 31-33 (De jejuniō = hom. 1): οὐ φρίσσεις τὴν ἀδηφαγίαν, μήπου σε τῶν ἐλπιζομένων ἀγαθῶν ἀποκλείσει;</p>
<p>33 «Не оскорби поста, не удостоив дать ему место за своей трапезою; не отсылай его из своего дома с бесчестьем, как <i>превзойденный удовольствием,</i> чтобы он не донес на тебя Законоположнику постов и <i>в виде наказания не наложил на тебя в несколько раз большего воздержания от пищи по причине или телесного недуга или другого какого печального обстоятельства»</i></p>	<p>PG 31, 188, 7-13 (De jejuniō = hom. 2): Μὴ καθυβρίσης τὴν νηστείαν, ἀπαξιώσας λαβεῖν αὐτὴν ὁμοτράπεζον, μηδὲ τῆς οἰκίας σεαυτοῦ ἄτιμον ἀποπέμψῃ παρευημερηθεῖσαν ὑπὸ τῆς ἡδονῆς, μήποτε σε καταγγείλῃ ἐπὶ τοῦ νομοθέτου τῶν νηστεῶν, καὶ πολλαπλασίονά σοι ἀπὸ καταδίκης ἐπαγάγῃ τὴν ἐνδειαν, ἢ ἐξ ἀρρώστιας σώματος, ἢ ἐξ ἄλλης τινὸς σκυθρωπῆς περιστάσεως</p>
<p>34 «Опять, дурные желания, распаяя твою</p>	<p>In illud: Attendite = hom. 3; 34, 18 – 35, 3</p>

<p>душу, ввергают ее в неудержимые и распутные стремления. Если “внемлешь себе”, и помнишь, что это, <i>в настоящем для тебя приятное, будет иметь горький конец, и щекотание, ныне происходящее от удовольствия в нашем теле, оно-то и породит ядовитого червя, который будет бесконечно наказывать нас в геенне, и что плотский пыл будет матерью вечногo огня, то удовольствия, обращенные в бегство, тотчас исчезнут...»</i></p>	<p>Rudberg: Πάλιν ἐπιθυμίαι πονηραί, ἐξοιστρῶσαι τὴν ψυχὴν, εἰς ὀρμάς ἀκρατεῖς καὶ ἀκολάστους ἐμβάλλουσιν. Ἐὰν προσέχης σεαυτῶ, καὶ μνησθῆς ὅτι τοῦτο μὲν σοι τὸ παρὸν ἡδὺ εἰς πικρὸν καταντήσει πέρας, καὶ ὁ νῦν ἐκ τῆς ἡδονῆς ἐγγινόμενος τῷ σώματι ἡμῶν γαργαλισμός, οὗτος γεννήσει τὸν ἰοβόλον σκῶληκα ἀθάνατα κολάζοντα ἡμᾶς ἐν τῇ γεέννῃ, καὶ ἡ πύρωσις τῆς σαρκὸς μήτηρ γενήσεται τοῦ αἰωνίου πυρός, εὐθὺς οἰχήσονται φυγαδευθεῖσαι αἱ ἡδοναί, καὶ θαυμαστή τις ἔνδον γαλήνη περὶ τὴν ψυχὴν καὶ ἡσυχία γενήσεται, οἷον θεραπεινίδων ἀκολάστων θορύβου κατασιγασθέντος δεσποίνης τινὸς σώφρονος παρουσία</p>
--	--

<p>35 «Монтень видел, что пытка инфицировала весь бюрократический мир, как светский, так и церковный. Она стала повсеместным злом. Монтескье, жившего в сравнительно более мягкую эпоху, все еще возмущало судебное преследование грехов и мелких проступков. Отчасти это объяснялось тем, что ни один из них больше не верил в эти грехи, но также и тем, что они ставили жестокость на первое место. <i>Преступления, которые карали столь brutally, сами не были актами жестокости. Поэтому они казались особенно малозначительными по контрасту с ужасами официально допущенной пытки»</i> (Курсив мой – А.С.)</p>	<p>Shklar 1982, 24: Montaigne saw that torture had infected the entire official world, both secular and ecclesiastical. It had become the ubiquitous evil. Montesquieu, living in a relatively milder age, was still outraged by the judicial prosecution of sins and minor faults. That was partly because neither one believed in these sins any longer, but also because they put cruelty first. <i>The crimes so brutally punished were not themselves acts of cruelty. They therefore appeared particularly unimportant precisely when put in contrast to the horrors of official torture.</i></p>
<p>36 «Когда шевалье де ла Бар, внук генерал-лейтенанта армии, молодой человек большого ума и подававший большие надежды, но обладавший всем легкомыслием необузданной юности, был уличен в том, что пел кощунственные песенки и даже прошел перед процессией капуцинов, не сняв шляпу, судьи Абвиля, люди, сравнимые с римскими сенаторами, приказали не только вырвать ему язык, отрубить руку и поджаривать его тело на медленном огне, но применили к нему еще и пытку, чтобы точно узнать, сколько песенок он спел и сколько процессий он</p>	<p>Voltaire 2013, 2098. Lorsque le chevalier de La Barre, petit-fils d'un lieutenant général des armées, jeune homme de beaucoup d'esprit et d'une grande espérance, mais ayant toute l'étourderie d'une jeunesse effrénée, fut convaincu d'avoir chanté des chansons impies, et même d'avoir passé devant une procession de capucins sans avoir ôté son chapeau, les juges d'Abbeville, gens comparables aux sénateurs romains, ordonnèrent, non seulement qu'on lui arrachât la langue, qu'on lui coupât la main, et qu'on brûlât son corps à petit feu ; mais ils l'appliquèrent encore à la torture pour savoir précisément combien de chansons il</p>

наблюдал, не снимая шляпу с головы»	avait chantées, et combien de processions il avait vu passer, le chapeau sur la tête.
-------------------------------------	---